

УТВЕРЖДАЮ
Первый проректор
Кемеровского
государственного
университета

— Журавлев Ю.Н.

«23» октября 2025 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Рольского Александра Ивановича
«Ислам в советской историографической традиции: политика государства и
исторические исследования», представленную на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
по специальности 5.6.5. Историография, источниковедение, методы
исторического исследования

Актуальность диссертационного исследования А. И. Рольского обусловлена тем, что в последнее десятилетие в отечественной исторической науке наметилось определенное возвращение к интеллектуальному наследию советского этапа ее развития. Соглашаясь с данным трендом, во введении диссертации автор отмечает необходимость «избежать отказа от действительных достижений советской исторической науки, сохранить ее релевантные наработки в изучении ислама, не поддаваясь сиюминутным социально-политическим порывам, когда старая чересчур критическая оценка уступает место не всегда оправданной политкорректности» (С. 4). Соответственно, в настоящее время, объективизация взгляда на советскую историческую науку весьма актуальна. Можно констатировать, что отбрасывание значимости советской историографии изучения религий, является негативным трендом постсоветской эпохи. К тому же А. И. Рольский актуализирует важную для науки проблему оценки опыта разных поколений исследователей, их взаимосвязь и взаимообусловленность. В данном контексте историография как научная дисциплина играет огромную роль в контексте рефлексии исторической науки.

Исходя из вышесказанного, тема, выбранная автором для диссертационного исследования, ислам в советской историографической традиции, представляется репрезентативной с научной, общественно-политической и социокультурной точек зрения. Ислам являлся одной из основных религий в Советском Союзе, а общая антирелигиозная и атеистическая политика советского государства приводила к недооценке его влияния на мусульманскую общину СССР, в том числе и на уровне научного осмысления ислама как религии. Нельзя не согласиться со словами автора о том, что актуальность темы исследования «может быть дополнена возможностью реконструкции и уточнения социокультурного и идейно-политического контекста советской эпохи, характеристикой степени вовлеченности власти и общества в развитие науки» (С. 6).

Во введении сформулированы актуальность, предмет и объект исследования, его цель и задачи, новизна, хронологические рамки, методология и практическая и теоретическая значимость работы, а также научные положения, выносимые на защиту. Таким образом, введение, в целом, отражает все необходимые элементы. Возникновение определенных вопросов к структуре работы и тексту положений, выносимых на защиту (см. ниже), скорее связано проблемами взаимосвязи между структурой работы, поставленными задачами и внутренним содержанием глав и параграфов.

В целом у работы очень серьезная и фундированная методологическая основа анализа историографии, в которой вполне сочетаются положительные черты и научные достижения как отечественной, так и западных научных школ.

Среди дискуссионных моментов введения следует отметить такие его части как степень изученности темы и характеристика источниковой базы диссертационного исследования. Понятно и оправданно стремление автора рассмотреть изучение ислама в советской гуманитарной традиции через проблематику соотношения науки и власти. А. И. Рольский декларирует прежде всего историографический анализ советского исламоведения, что должно было бы в полной отражено в степени изученности темы. Однако в целом неплохой историографический обзор состоит как из анализа автором предшествующей историографической литературы, так, собственно, рассмотрения конкретных исторических трудов советских и российских

исследователей ислама. На наш взгляд, не совсем верен подход автора к классификации работ. А. И. Рольский пишет: «В целом, можно выделить две группы работ, привлеченных для написания исследования, которые можно условно обозначить как проблемно-исторические и религиоведческие» (С. 6). Тогда, как для историографического исследования следует в первую очередь анализировать предшествующие работы историографического характера.

Справедливое желание автора сосредоточиться на выявлении связи власти и науки в советскую эпоху также вносит некоторый дискуссионный момент в его характеристику источниковой базы диссертационного исследования. По существу, А. И. Рольский использует два необходимых для его диссертационного исследования вида источников: историографические (монографии, научные статьи, рецензии и так далее) и исторические нормативно-правовые акты советского государства. Но, например, в характеристике групп историографических источников нет анализа диссертаций, хотя автор ссылается на них и приводит в списке литературы, а в характеристике исторических источников нет оценки архивных материалов, приведенных автором в списке источников.

Четвертое и пятое положения, выносимые на защиту фактически написаны об одном - историографической периодизации, которая в целом характеризуется довольно упрощенно.

В 5 положении говорится о первом этапе: «1920–1930 гг. – пропагандистский, когда с одной стороны, была декларирована борьба с «поповщиной», с другой - процесс борьбы с исламом необходимо было проводить деликатно» (дис. С.27). О какой деликатности можно говорить в 1930-е г., когда в СССР целенаправленно проходили массовые репрессии в отношении мусульманского духовенства и мирян? Другое дело, что в тексте первой главы, автору действительно хорошо удается передать специфику политических и историографических подходов, пришедших к власти большевиков к РПЦ и исламу в первой половине 1920-х гг. Поэтому во введении автор, вероятно, имел в виду «проводить деликатно процесс борьбы с исламом» в научной и публицистической литературе/сфере? Такие противоречия сразу ставят вопрос о соответствии авторской периодизации реальному развитию ситуации в политике и историографии.

В первой главе диссертации рассматриваются вопросы изучения ислама в советской исторической науке в 1920–1940-гг. Автор оправдано встраивает становление советского исламоведения в общую канву развития общественно-политической ситуации и становления советского марксизма как научного феномена. По словам А. И. Рольского, «изучение ислама в 1920–1930-х годах определялось не только единым идеологическим подходом. Значительную роль сыграли политические факторы, показывающие как общие моменты религиозной политики в СССР, так и раскрывающие специфическую политическую конъюнктуру в отношении ислама в 1920–1930 гг.» (С. 50). Тем не менее, автор диссертации констатирует, что «общие политико-идеологические установки 1920 гг. с их акцентом на понимании религии как исторически ранней формы общественного сознания, при всей их тенденциозности, открывали возможность применения марксистского подхода в оценке ислама» (С. 51). В отношении изучения ислама заметную роль стала играть концепция торгового капитализма М. Н. Покровского. Советские ученые-марксисты видели «в религии проявление определенных материально-капиталистических отношений» (С. 53). Автор, на примере анализа трудов историка Л. И. Климовича, одного из сторонников переноса теории торгового капитализма на исследования ислама, отмечает политическую и классовую обусловленность религии в целом. В советском марксизме 1920 – 1930-х гг. «исламу отводилась та же роль, что и православию в закреплении определенных форм классового господства» (С. 57). А. И. Рольский, основываясь на классификации концепций появления ислама Н. А. Смирнова, выделяет в советском исламоведении межвоенного периода пять подходов к происхождению ислама, но все они, согласно автору, исходили из идеи, что «ислам являлся лишь идеологической надстройкой и фактором, детерминирующим процессы торгово-экономического развития внутри арабского общества» (С. 66). Одной из сильных сторон диссертации является умение автора отражать взаимосвязь развития советской историографии ислама с задачами и проблемами внутренней политики СССР в Средней Азии и на Кавказе, а также внешней политики в мусульманских странах Востока и политике деколонизации.

Вторая глава посвящена анализу развития советского востоковедения 1950 – 1960-х гг. в контексте научного атеизма. Автор акцентирует внимание на изменении политики советского государства по отношению к религии и религиозным культам на рубеже 1940 – 1950-х гг., которое в конечном итоге выразилось в формировании идеологии научного атеизма, нацеленной на преодоление религии как пережитка прошлого. «Значение практик научного атеизма 1950-х гг. для исследовательского сообщества заключалось в кристаллизации исследовательских методов при изучении ислама» (С. 87–88). Плюсом такого подхода стало, по утверждению автора, установление определенных норм «научности» в изучении религии.

Эти тенденции автор рассматривает на примере развития востоковедческой проблематики различных институтах Академии наук СССР, связанных с исследованием истории и языков стран Востока. Актуализация востоковедения была обусловлена современным состоянием «молодых» государств Азии и Африки, освободившихся от колониальной зависимости. Относительно ислама задача стояла «сосредоточилась на изучении современного политического ислама и идеологии современных мусульманских национальных движений за рубежом» (С. 89). Исследование истории и культуры мусульманских стран стало значительной частью советского востоковедения. В результате чего, согласно автору, регламентация научного метода советского марксизма, отход от примитивного идеологического доктринерства, способствовали систематизации и углублению исторических знаний об исламе. «... Исследовательские практики 1950–1960 гг. способствовали институционализации изучения ислама в рамках отдельных научных сообществ - от региональных и республиканских до общесоюзных... (С. 107),

В третьей главе анализируются вопросы «модернизации ислама» и «исламское возрождение» в трудах советских исследователей 1970 – 1980-х гг. Этот период автор характеризует как модернизацию и возрождение ислама в СССР, которые потребовали соответствующего анализа этих тенденций. Но атеистическая направленность советского религиоведения не позволила исследователем в полной мере оценить глубинные причины модернизации ислама и «исламского ренессанса», характерной чертой которого стала радикализация религиозных исламских сообществ конца XX

– начала ХХI века. Исламская революция в Иране, по словам автора, «помимо прочего, продемонстрировала слабости изучения ислама в отечественной науке и выявила определенные пробелы в оценке религиозного влияния на политические процессы, которые охватили Иран и оказывали воздействие на весь ближневосточный регион» (С. 135). Итогом стала активизация изучения ислама на новом теоретико-методологическом уровне, что, по мнению А. И. Рольского, «также подтверждает идею о характеристике советского марксизма как изменяющейся и довольно гибкой парадигме изучения разноплановых процессов, которая позволяла реагировать и на глобальные вызовы времени» (С. 138). Таким образом, автор делает вывод, «советские исследователи, демонстрируя методологическую приверженность старым позициям, приходят к сходным с буржуазными коллегами выводам о причинах и проявлениях возникновения «исламского возрождения» (С. 181).

В заключение автор подводит основные итоги исследования, с которыми следует согласиться. Прежде всего, хотелось бы отметить мысль автора о том, что «изучение ислама в советской исторической науке проходило под постоянным воздействием ряда внешних и внутренних факторов» (С. 189). Научное наследие советского исламоведения остается востребованным, так как, по утверждению А. И. Рольского, «в современных условиях комплексное историческое изучение ислама по-прежнему остаётся актуальной задачей как с научной, так и с практической точек зрения» (С. 194 195).

Диссертационное исследование А. И. Рольского не лишено некоторых дискуссионных моментов.

Выше уже отмечено, что определенные сомнения вызывает периодизация. Насколько деление на периоды по десятилетиям объективно отражают ситуацию? Например, автор сам пишет, что: «Отправной законодательной точкой антирелигиозной борьбы стал «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах» получивший в дальнейшем название «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви». Принятый в январе 1918 года, документ заложил основы антирелигиозной политики для советского государства и действовал на протяжении почти всего его существования» (стр. 33). Почему тогда изучение начинается с

1920-х гг.? Автор сам отмечает, что в отличие от православия, отношение к исламу на негативное меняется только во второй половине 20-х годов XX века.

В изложении автора также не очень понятно включение 1940-х гг. в один период с 1920–1930 гг.

Не смотрится единым, с точки зрения политических действий и историографических взглядов, и период 1980-х гг. Труды эпохи перестройки явно отличались от периода 1980–1985 гг.

В задачах исследования и в содержании третьей главы абсолютно верно отмечена роль в актуализации изучения ислама таких события и явлений как Исламская революция в Иране и ввод советских войск в Афганистан. Но почему афганская операция советских войск и ее влияние не нашли отражения ни в названии третьей главы, ни, тем более, в названии ее второго параграфа остается непонятным.

Последний раздел 3 главы носит название «3.3. Радикализация мусульманских сообществ в конце XX века и современные проблемы изучения ислама» Автор никак не объясняет, чем обусловлен выход за хронологические рамки предмета исследования в последнем разделе 3 главы диссертации? Конец XX века – это 1990-е годы. В принципе, с точки зрения актуализации исследования, не вызывает возражений возможность и даже необходимость рассмотрение в работе постсоветских тенденций в изучении ислама, но непонятно почему это не нашло отражения ни в названии работы, ни в названии третьей главы, ни в формулировках задач исследования.

В анализе источниковой базы отсутствуют источники, связанные, собственно, с представителями ислама и исламизма в СССР, на Ближнем и Среднем Востоке. Мы понимаем сложность их поиска для СССР 1920-1970-х гг., но, для изучения позднесоветского периода и для государств Востока они вполне достижимы.

Есть определенные важные расхождения между текстом диссертации и автореферата. Если в диссертации в «Хронологических рамки работы» – границы нижняя и верхняя обоснованы (дисс. С. 20), то в автореферате остаётся только догадываться читателю, что имел в виду автор исследования (автореф. С.7), так как обоснование границ отсутствует, а остальные пояснения крайне туманные.

В то же время, в целом, высказанные дискуссионные моменты не влияют на положительную оценку диссертации. Проведенное А. И. Рольским исследование вносит вклад в современное российское исламоведение и, в частности, в его историографию. Полученные автором диссертации результаты имеют не только научное, но и практическое значение. Изучение опыта советской историографии ислама обладает большой эвристической ценностью и может быть полезным при анализе современного ислама. Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации.

Диссертационное исследование «Ислам в советской историографической традиции: политика государства и исторические исследования») соответствует требованиям п. 9–14 действующего Положения о порядке присуждения учёных степеней утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а ее автор, Рольский Александр Иванович, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки).

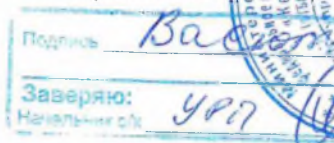
Отзыв подготовлен на кафедре Всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» профессором кафедры всеобщей истории, доктором исторических наук Алексеем Владимировичем Горбатовым, профессором кафедры всеобщей истории, доктором исторических наук Олегом Эдуардовичем Тереховым, профессором кафедры всеобщей истории, доктором исторических наук Константином Владимировичем Юматовым.

Отзыв обсужден и утвержден на кафедре Всеобщей истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», протокол заседания кафедры № 2 от 23.10.2025 г. На заседании присутствовало 13 человек. Результаты голосования: «за» – 12, «против» – 0, «воздержалось» – 1.

Заведующий кафедрой всеобщей историей
и международных отношений

Васютин Сергей Александрович
доктор исторических наук

(по специальности 5.6.2 – Всеобщая история) _____ С. А. Васютин

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», КемГУ).

Адрес: 650000, Кемеровская область - Кузбасс, г. Кемерово, ул. Красная 6;

Тел.: +7 (3842) 58-28-39, e-mail: zhur@kemsu.ru, <https://kemsu.ru/>

Первый проректор

Журавлев Юрий Николаевич

Кафедра всеобщей истории и международных отношений

тел. +7 (3842) 58-02-07,

e-mail: vasutin2012@list.ru

зав. кафедрой